

Живая память

Сердце, ободренное поэзией

В июне 1970 года, отслужив в армии, я пришёл работать в заводскую многотиражку «Магнитогорский металл». Редактором тогда был Юрий Левицкий, а Юрий Костарев – ответственным секретарём. В белой рубашке, свежесбрившийся, интеллигентный, педантичный – таким запомнился мне Костарев. Я обязан ему многим. Но прежде всего любовью к книгам, которой он меня заразил на всю жизнь. Это Юра открыл для меня Шукшина, Белова, Сельвинского, Кирсанова, Глазкова.

В феврале 1973 года по «партийному призыву» я уехал в Узбекистан осваивать «газетную целину». В молодом прекрасном городе Навои открылась русскоязычная городская газета, делать которую стали магнитогорские журналисты. Вскоре в Узбекистан, в сосед-

нюю Бухару, приехал Юра. Помню, как целую неделю он гостевал у меня. К тому времени я уже собрал неплохую библиотеку. Юра попросил поставить раскладушку рядом с книгами, засыпал он с ними только под утро.

Потом наши пути-дороги разошлись. Почти на четверть века. Я снова вернулся в Магнитогорск. С Костаревым виделся редко. Жил он уединённо, всё больше уходил в себя. Став главным редактором «Магнитогорского металла», пригласил его работать в газете литературным редактором. Он ответил: «Подумаю». А через день передал свои размышления по этому поводу. Цитирую часть из них: «Если я нужен, то, по возможности, в мои дела не лезть. Я профессионал такого класса, что не потерплю ничего (и твоего тоже) вмешательства. Если нужен, то нужен, но я – никогда не дублёр, не тень. Конечно, это касается только грамотности, стилистики, а политика, экономика – дела моих бессонниц и

моих невидимых миру слёз. Это уже предмет для разговора за рюмкой чая. Боюсь, придётся возвращаться к русскому языку Котлухужина, Павлова, Рухмалёва. Вам это что – за счастье покажется? Беда в том, что вы мне дороги...»

В этих словах характер Костарева. Гордый. Легко ранимый. Отходчивый. Добрый. Преданный родниковому слову.

– Ребята, что вы делаете с русским языком?! – возмущался он, разложив передо мной десяток номеров газеты. Все они были испещрены его замечаниями.

Юра стал руководить литературным объединением при «Магнитогорском металле».

– Старик, только не плати мне за это никаких денег, – просил он. – Лучшей наградой будет издание книги избранных стихов. Поможешь издать, буду обязан тебе до крышки гроба...

Уже после смерти Юры, разбирая его рукописи, обнаружил письмо замечательного земляка

Николая Воронова, присланное Костареву из подмосковного Переделкина. Письмо датировано 26 мая 2000 года: «Дорогой Юрий! Сейчас говорил с вашей сестрой Е. Козыревой. Порадовался ей за ваши стихи, опубликованные в «Магнитогорском металле». И вместе с нею погорчался тому, что вы не получили моих писем и открыток, где я всегда писал о ваших стихах, полных зрелости, тайны, мудрости, печали... Четыре стихотворения в «ММ» полны обширных достоинств, выросших, вулканически вырвавшихся из вашей судьбы. Те поэты сильнее всего западают в нашу память, кто с безудержной искренностью умеет сказать правду о себе, чаще всего – душераздирающую. Вершинен в этом смысле в XX веке Сергей Есенин. Вам удалось в стихотворении «Без прятков» так открывательски молвить о себе, как раньше никто не молвил: «Я счастлив без денег и тряпок: / Мне лишь бы – на сердце покой, / Да чтоб обойтись мне без



Юрий Костарев

прятков / Меж прежним и нынешним мной».

Юра писал сердцем. Его инфаркты – искры поэтического замыкания. Он разрывал свою душу словом. Сердце не выдержало таких надрывов. Поэты умирают преждевременно, но не умирают их стихи. Имя Юрия Костарева, его сокровенная поэзия останутся в людских сердцах.

✍ Станислав Рухмалёв

Юрий КОСТАРЕВ

Превыше всех иных даров

Моя не знавшая покоя мама
Владела верным средством от тоски.
И если дождик тосковал за рамой,
Она садилась нам вязать носки.

Моя не слишком грамотная мама
Значенья слова «стресс» или «хандра»
Не то чтобы совсем не понимала,
А просто их к себе не применяла –
Как не хотят не своего добра.

Когда октябрь шлёт с неба телеграммы
Морзянкой дождика и вязнет шум в ушах,
Я чую шорох спиц в руках у мамы –
И оживает стылая душа.

Я маминей души дыханье слышу –
И, разорвав объятия тоски,
Мне добрый сон теплом
в затылок дышит!..
И вязет мама ангелам носки.

Дядькины уроки

Он говорил мне, парясь в бане,
Отменно мудр, маненько пьян:
«Чему не выучился Ваня,
Того не превзойдет Иван.
В июне хороши берёзки
На добрый венчик, а поздней
Они сгодятся лишь на розги
Для непослушных сыновей».

С тех пор берёза облетала
Уж не один десяток раз.
Меня жизнь парила и мяла,
Дала науки про запас.
Мне, клёванному много в темя,
Достало мудрости понять:
Чему не выучило время,
То и не следовало знать.

Угас кленовый лист.
Дубы лысеют.
В наркозе речка.
Зверствуют ветра...
Но в знак неотвратимости
Весенней
По хрупким лужам
Скачет детвора!

Этот поезд не шёл, не летел – он тащился,
Как не знал, что он к вам меня вёз.
Относительно шпал мы кометою мчимся,
Но стоим – относительно звёзд.

Как ваш смех: в краткий миг –
и баюкает сердце,

И колеблет подножие скал...
По сравнению с вечностью,
все мы – младенцы,
Но сравнительно с вами – я стар.

Не от взрыва ли яблока юной Елены
Пала Троя, пощады прося?..
Для других вы – одна из пылинок Вселенной,
Для меня же – Вселенная вся.

Только что вам и сердца мои ухищренья,
И поверженной Трои урон...
Звёзды меркнут в глазах,
осветив на мгновенье
Вами не осиянный перрон.

Уменьше слушать

Превыше всех иных даров –
Уменьше слушать,
Когда под градом чуждых слов
Немеют души,
Когда готов убить уже
Того, кто против,
Когда не вмоготу душе
Сама и плоть их,
И каждый над собой вознёс
Раздора знамя...
Но вовремя простёр Христос
Ладонь над нами.

Под вечным солнцем

Отчего я пробудился, Отче?
Перед кем томит меня вина?
Что-то стали часты эти ночи –
Без успокоительного сна.

Я ли не старался – как умею,
Как могу – достойным сделать день?..
Только жизнь, она меня умнее:
Ей учеников лупить не лень.

И за дело – точно, что за дело!
Жаль, что боль почуял лишь сейчас.
Видно, крепко шкура задубела –
Не от колотушек про запас?

Вот и отбаянил гулкий праздник,
Солнышко похмельное зашло...
Сколько восходило женщин разных –
Рядом ни одной не расцвело.

И теперь цветёт подсолнух разве...
Добрый будет силос для села!
Нет, судьба не передвинет праздник,
Это вам не Ельцин с похмела.

Смял бездумно майскую травинку –
Нынче мордой тычусь в лебеду,
Не хотел торить свою тропинку –
Колеей раздолбанной иду.

Научусь и осени недолгой,
И зиме – промозглой, без прикрас...
Сердцем не могу поверить только,
Что июнь бессонный – не про нас,

Что проехал место поворота,
Что весны отсюда не слышать,
На запоре крепкие ворота,
Так что под забором отдыхать.

Всё сдвигаюсь к жизненному краю,
Чётче, зорче память и честней...
Что же мне: готовить душу к раю –
Или ад печалится о ней?

И душой, востребованной высью,
Я безмолвным шёпотом ору:
– Для чего, Создатель, я родился?
Почему я, Господи, умру?

А земля справляет вечный праздник,
Пусть и в скорби некий идиот,
И для юных, грешных и прекрасных
Солнце незакатное поёт.

Ветер перемен

Одичало ветер свищет,
Тормоша пинками снег.
Что же в этой вьюге ищет
Бездомовый человек?

...Заключу лицо в ладони,
Душу думой обойму
И меж дракой и погоней
Что-то вдруг да и пойму –

Если даст Господь немного
Мне ещё неспешных дней
До несбивчивого слога,
До сочувственных людей, –

Отчего я куролесил,
Заступая в беспредел,
И стеснялся тихих песен,
И чурался добрых дел.

Неужели пепелище
Заповедано душе,
Неужели сердцем нищий
До скончанья дней уже?

Строил призрачные стены
Я себе в границах сна,
Жёстким воздухом измены
Надыщался допьяна.

Так повыветрило душу
Равнодушным сквозняком –
Мочи нет себя лишь слушать,
Нету сил забыть о том,

Кто хранил меня в морозы,
Сберегая меж людьми

Как непролитые слёзы
Нерассказанной любви.

И смеётся мне сквозь вьюги,
Руша крепь границ и стен,
Ветер отжитой разлуки,
Ветер близких перемен...

Вызов

Зачем так яростно летело –
Взрослеть, потом стареть спеша,
Зачем к нулю стремилось тело
И к бесконечности – душа?

Как совмещались, как общались
Внутри они с одним одно,
Пока не вырвались, отчаясь:
Она – к звезде, оно – на дно.

Зачем, когда уже так близок
Ты к неотвратному нулю,
Душа бросает телу вызов
В последнем выдохе: «Люблю?»

Приходят корабли

Сияньем сонный порт залив,
Приходят корабли в залив.

Они так долго в море были,
Что стали чем-то вроде были.

Огни – по тону их цветов,
Как шмель по запаху цветов.

На память чувствуя их крепость,
Любимые спешат, как в крепость,

В объятия крепкие мужчин,
Не спрашивая: «Получил муж чин?»

Не главным все чины считая,
Стоят, слова любви считая.

Не будем им, друзья, мешать.
И надо ль бестолку мешать

Искусность – и искусство? Стих –
И звук пустой, что взмыл – и стих?..

Рассветом порт ночной залив,
К влюблённым солнце мчит в залив!

Так и живи

Горевать, без конца горевать...
А куда же счастье девать?

Жизни радоваться без конца...
Но ведь ты же не вечный пацан?

Как придётся, так и живи...
Лишь бы только – не мимо любви.